

Как и человек, Европа выполняет определенные социальные функции, выступающие в качестве наиболее частотных и показательных признаков. Европа «живет» в социальном мире, в качестве которого выступает мировое сообщество, а «членами» его являются разные государства. Европа может играть разные социальные роли и функции. Социальные роли связаны с социальным статусом, профессией или видом деятельности человека в коллективе. Подобно человеку, Европа может иметь ту или иную роль в мировом сообществе, причем это передается сценарием лицедейства – «надеванием» на себя тех или иных масок:

«защитника» – «But some people involved in the issue are concerned about a shift policy in Europe, which has long been a defender of individuals' privacy rights» (February 20, 2007);

«охотника» – «As Europe hunts for terrorists, the hunted press advantages» (March 22, 2004);

«участника поединка» – «Mr. Bush's vaguely worded proposal – which has so far steered clear of such caps – has muddied what had been shaping up as a black-and-white showdown between Europe and the United States (June 2, 2007);

«лидера» – «The moves will put Europe, which some analysts say already is the leader in Internet TV, further ahead of the United States and Asia» (August 29, 2007);

«строителя» – «Through the Maastricht treaty of 1992, Europe built economic unity and a common currency» (May 14, 2007);

«контролера» – «Europe moves to tighten control of rating agencies» (October 29, 2008).

Преобладание социально-антропоморфных признаков концепта EUROPE свидетельствует, что современным американским национальным сознанием Европа понимается как социальный субъект, выполняющий в обществе определенный набор ролей и функций: лидера, контролера, строителя экономического союза, участника поединка с Соединенными Штатами, защитника частных прав личности, охотника за террористами и т.д. Данные признаки концепта EUROPE позволяют обозначить классификационный признак ближней периферии «Европа – человек».

В процессе концептуализации Европы (Европа – артефакт) используются признаки различных предметов – пугающего, сцены, музея, препятствия, образца. Европа предстает в образах места, отличающегося косностью и застоением: «It's a fixed idea among Americans that Europe – France, in particular – is an economic wasteland» (October 3, 2007);

сценой, на которой происходит поединок: «All Europe's the stage for an Italian duel» (June 29, 2003); экономического музея: «Is Europe no longer an economic museum?» (October, 18, 2008); потенциальной помехи для внешней американской политики: «The administration's call for cooperation by «all nations supportive of peace in the Middle East» again casts Europe as a potential impediment to American foreign policy» (August 24, 2003); образца для остального мира: «Mrs. Merkel said the agreement would help the European Union become a model for the rest of the world» (March 10, 2007). В дискурсе NYT артефактные признаки являются менее частотными по сравнению с антропо-социальными. Они имеют окказиональный характер, к ним не апеллируют в дальнейшем в рамках выбранного для анализа дискурса, что позволяет отнести их к дальней периферии концепта EUROPE.

Таким образом, исследование словарных дефиниций позволило выделить в структуре концепта EUROPE ядро «Европа – континент» и околядро «Европа – политико-географическое образование». Анализ дискурса NYT, в свою очередь, дает возможность выделить признак ближней периферии «Европа – человек» и признак дальней периферии «Европа – артефакт». Необходимо отметить, что на материале дискурса NYT не получил актуализации ядерный признак «Европа – континент», что обусловлено, в первую очередь, политико-экономической направленностью издания, тенденцией журналистов освещать проблемы не столько Европы как части континента (вплоть до Уральских гор), сколько Европы как союза государств – European Union.

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-37.

2. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007.

3. Гришина О.А. Актуализация концепта «Америка» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004.

4. Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. – Новосибирск: НГУ, 2003. Ч. 1 и 2.

5. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001.

6. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Вестник КемГУ. Сер. «Филология». – Вып. 4 (12). – С. 100-105.

7. Урусова О.А. Америка. // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007.

8. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003.

9. Longman Dictionary of American English. – New 4th edition, 2008.

10. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary>

А.В. Рудачинская

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ

The article is about the results of the research of loan words from Russian as a way of infill of lexical lacunas in modern German.

В статье изложены результаты исследования процесса заимствования как способа заполнения национально-специфических барьеров, затрудняющих процесс коммуникации. Именно отсутствие номинативных средств – лексическая лакунарность – рассматривается нами как одна из причин процесса заимствования.

Человечество создало язык и постоянно развивает, совершенствует его в процессе освоения и преобразования окружающего мира. Из-за различий естественных условий и социального развития образ жизни и мышление у разных народов неодинаковы. Эти различия естественно проявляются в их языках и приводят к разным словооб-

разовательным моделям, разным грамматическим категориям и неодинаковым словарным составам. Нередко складывается ситуация, когда определенное явление или предмет одного языка не находит словарного эквивалента в другом. Для выражения данного явления или предмета в нем используется словосочетание или фраза, являющаяся сигналом лакуны.

Лакуны, отражающие специфику той или иной лингвокультурной общности, как правило, препятствуют адекватному или полному взаимопониманию представителей различных культур.

Главное назначение языка – передать информацию, ее содержание в наиболее доступной для восприятия форме. Если в каком-то сегменте языка происходит сбой – обнаруживается лакуна, в результате чего снижается или полностью искажается уровень информации, в нем самопроизвольно включается механизм для устранения смысловых завалов и подачи информации в чистом виде. Происходит элиминирование лакуны, которое осуществляется путем заимствования.

Заимствования – элементы чужого языка – в результате языковых контактов заполняют лексические лакуны в

системе языка-реципиента. Другими словами, лакунарность является первопричиной заимствования.

Предметом нашего внимания явились русскоязычные заимствования в языке современной немецкой прессы. Источником примеров послужил немецкий журнал «*der Spiegel*»

Пресса в различных странах регулярно использует иностранную информацию о тех или иных событиях мирового или местного значения; поэтому в ней постоянно обнаруживаются слова, заимствованные из других языков, в том числе и обозначающие реалии соответствующих стран.

Проведенное исследование подтвердило, что на современном этапе русских заимствований в немецком языке мало. Так, в результате анализа журнала *der Spiegel* было выявлено достаточно ограниченное число руссизмов – 64 лексические единицы на 1300 страниц печатного текста.

Этот факт свидетельствует, что русский язык не доминирует в процессе обогащения немецкого языка за счет других языков, а Россия не является страной, диктующей свои культурно-политические реалии, отражающиеся в немецком языке.

Основную часть фактического материала составляют отдельные слова (*Sowjet*, *Wodka*, *Subbotnik*, *Wsjatki*, *Babuschka*, *Pamjat*, *Ostankino*), но среди проанализированных слов существуют также выражения и словосочетания (*Gesundheits-Gulag*, *Gas-riese Gasprom*, *zur Brust nehmen*, *Swjosdny gorpdok*). Руссизмы представляет собой слова и области словосочетания, касающиеся основном в политической номенклатуры (названия учреждений, партий), экономики, общественной жизни. Отмечается сравнительное обилие эмоционально окрашенных элементов.

Результаты анализа подтверждают данные лексикологических источников: существительные заимствуются в большем количестве, чем другие части речи.

«Интенсивность» существительных обусловлена потребностями номинации того или иного понятия, часто вызванного отсутствием реалии в одной из культур (в частности, в немецкой). Таким образом, большинство русскоязычных заимствований заполняет межъязыковые, мотивированные, этнографические лакуны, что объясняется самой действительностью того или иного народа: *Duma*, *Kreml*, *Profsojuz*, *Oblast*, *Zar*, *Rubel*, *Kopeke*, *Butyrka*, *Ostankino*, *Kosmodrom*.

Русские заимствования элиминируют коммуникативные лакуны, существование которых социально обусловлено. Так, политические события и социальные явления в России активизируют те или иные понятия, не представленные в немецком языке. Образуется коммуникативная лакуна, – следовательно, возникает необходимость ее заполнения. Таким образом, происходит заимствование. Например: *Gasowiki*, *Gesundheits-Gulag*, *Gosatomnadsor*, *Intelligenzia*, *iduschtschije wместje*, *KGeBist*, *Natschalstwo*, *zur Brust nehmen*, *Uprawdelami*.

Среди проанализированных руссизмов-пленусов, т.е. заполненных мест, можно выделить:

пленусы, которые вследствие широкого распространения превратились в интеркультурные: *Sowjet*, *Sputnik*, *Wodka*, *Perestroika*, *Soldat*, *Subbotnik*;

пленусы, которые воспринимаются в немецком языке как экзотизмы и в большинстве случаев остаются непонятными для широких кругов носителей немецкого языка и потому требуют дополнительного разъяснения: *Propiska* (*Aufenthalts-genehmigung z.B.: für Moskau*), *Nawosnik* (*Mistschwamm aus der Gattung der Tintlinge*), *Bojewiki* (*wie die tschetschenischen Kämpfer auf Russisch heissen*), *Tschelnoki* (*Weberschiffchen*), *Majak* (*Leuchtturm*), «*Natschalstwo*» (*das Führungspersonal in Staat und Wirtschaft*), «*Iduschtschije wместje*» («*gemeinsam gehend*»).

Процесс заимствования из русского языка в основном

протекает или в русле заимствования значения (*Lehnbedeutung*): *Seuberung*; или в русле калькирования (*Lehnbildung*), когда заимствуются не корни слов, а лишь их внутренняя форма. Такие руссизмы представляют собой калькированные пленусы. Процессы калькирования касаются таких сфер жизни как:

структура и номенклатура государственных учреждений (*Gasrise Gasprom*, *Wodkawirtschaft*, *Staatsapparat*, *Gosatomnadsor*, *Swjasinvest*, *Alkoholkomitee*);

политика, политические партии (*Perestroika*, *Union der rechten Krafte*, *Einheit – Partei*, *Jabloko – Fraktion*);

почетные звания (*Held der Sowjetunion*).

При заимствовании происходит взаимодействие руссизмов и системы немецкого языка, влияющей на их адаптацию. Наблюдаются изменения на морфологическом уровне. Так, заимствованные существительные подчиняются правилам немецкого языка, получают артикль, пишутся с большой буквы, склоняются: *der Kreml* (s, =) *der Zar* (en, en), *der Pogrom die Duma* (s,e) (=,s), *der Propusk* (s, e), *der Rubel* (s, =), *der Sowjet* (s, s).

Следует отметить, что многие русские слова заимствуются в немецкий язык без изменений. Некоторые существительные во множественном числе сохраняют свое окончание: *Wsjatki*, *Atomschtschiki*, *Bojewiki*, *Tschelnoki*, *Gasowiki*.

Поэтому большинство проанализированных руссизмов являются вакантными пленусами. На словарном уровне это некомпенсированные, незаполненные лакуны. Такие заимствования существуют в немецком языке на уровне речи, не зафиксированы словарями и представляют собой своеобразные цитаты из русского языка, подтверждающие точность воспроизводимой ими новой информации, локальный колорит сообщения: *Atomschtschiki*, *Babuschka*, *Majak*, *Pamjat*, *Propiska*, *Natschalstwo*, *Intelligenzija*. Многие носят окказиональный характер – образуются на данный случай, для данного контекста: «*Sdrawstwuittje*» – «...und einem breiten *Sdrawstwuittje* drangt sich Moskaues bissigster Kommentator ins Leben seiner Mitbürger», «*Uprawlenije delami presidenta*», «*Uprawdelami*» – «...und den kostbaren Zossen bei seiner Vermögensverwaltung registrieren zu lassen – bei der legendaren «*Uprawlenije delami presidenta*».

Большинство русских заимствований – в положительной тональности. Однако заимствование происходит также и по «принципу уничижения» (Э.Ф. Володарская), с отрицательной коннотацией. Так, руссизму «*Gazette*» сопутствует негативная тональность, хотя в русском языке это слово лишено отрицательного оттенка и имеет нейтральную коннотацию.

Все большее распространение получают словосочетания народно-разговорного и даже жаргонно-просторечного характера: *KGeBist*, *Bojewiki*, *Natschalstwo*, *Atomschtschiki*, *Wsjatki*, *Gulag*, *in 100-Gramm Portion*, *zur Brust nehmen*. Это можно объяснить особенностями исторического развития России. Так, войны, нестабильное экономическое поколение в стране и как результат – увеличение преступности способствуют проникновению в язык большого количества жаргонизмов, тюремной лексики, которая заимствуется другими языками (в частности, немецким) в результате международных контактов.

Лексические лакуны, являясь уникальными значимыми пустотами, представляют большую свободу языковой деятельности, поощряют к словотворчеству, к заимствованию. Однако отметим, что на современном этапе количество русскоязычных заимствований в немецком языке возрастает медленно.

Руссизмы обусловлены потребностями номинации того или иного понятия, часто вызванного отсутствием такового в немецкой культуре. Таким образом, большинство русских заимствований заполняет межъязыковые

этнографические, коммуникативные лакуны. Многие заимствования из русского языка являются вакантными плеонастами. Они существуют в немецком языке на речевом уровне и пока не зафиксированы словарями.

1. Бергельсон М.Б. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий // Вестник МГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2001. – № 4.

Л.В. Васильева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ МОДАЛЬНОСТИ

The article focuses on basic theoretical approaches to modality in modern linguistic literature.

Понятие «модальность» восходит к классической формальной логике (Аристотель), откуда лингвистика заимствовала классификацию суждений на ассерторические (суждения о действительности), проблематические (суждения о возможности), аподиктические (суждения о необходимости), достоверные и вероятные. Отражением формально-логического подхода к языку стало учение о трех наклонениях: изъявительном, сослагательном и повелительном. Данные наклонения соответствовали выделяемым в логике модальным отношениям. При этом единственным способом выражения модальности признавались морфологические формы (Бондарко, Беляева, 1990).

В отечественной лингвистике основоположником изучения модальности как синтаксической категории является В.В. Виноградов [4]. По его мнению, модальность может передаваться различными языковыми средствами:

синтетическими и аналитическими формами наклонения глагола;

сочетанием инфинитива с глаголом для выражения значений возможности, необходимости, желания, намерения, волеизъявления, а также эмоционального отношения субъекта к действию;

сочетанием инфинитива с отыменными словами, обозначающими состояние и являющимися предикативными прилагательными – для выражения значения возможности, долженствования, эмоционального отношения, морально-этической оценки, эмоционально-волевой квалификации действия;

«модально-вводными членами предложения», выражающими степень достоверности, стиль речи, ее источник, оценку сообщаемого факта с точки зрения счастья, несчастья и т.п.;

модальными словами и частицами, союзами и союзной связью предложений.

В современной лингвистике в связи с разнообразием типов отношений к действительности и высказыванию семантический объем категории модальности трактуется различно.

Анализ современных литературных источников позволяет выделить несколько подходов в изучении модальности: в традиционном понимании; в терминах структуры «модус диктум»; как модусная категория; как функционально-смысловое поле.

Рассмотрим каждый из подходов более подробно.

В традиционном понимании выделяются объективный и субъективный виды модальности.

Первый выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности происходящего. Главным средством выражения такого отношения является категория глагольного наклонения. Формы изъявительного наклонения (значение реальности) противопоставлены формам сослагательного, условного, жела-

2. Быкова Г.В. Внутряязыковые лакуны в системе языка (на материале русского языка). – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1998.

3. Быкова Г.В. Феноменология лексической лакунарности русского языка. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2001.

4. Муравьев В.Л. О языковых лакунах // ИЯШ. – 1971. – № 1.

5. Огурцова О.А. К проблеме лакунарности // Функциональные особенности лингвистических единиц. Сб. трудов Кубанского ун-та. – Вып. 3. – Краснодар: Изд-во Кубанского ун-та, 1979.

6. Сорокин Ю.А. Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982.

тельного, побудительного, долженствовательного (значение ирреальности).

Второй (субъективная модальность) выражает отношение говорящего к сообщаемому. В качестве языковых средств выражения данного вида модальности выделяются следующие: конструкции с модальными глаголами; лексико-семантические сочетания слов; словосочетания и предложения, функционирующие в составе высказывания в качестве вводных единиц; порядок слов в предложении; специальные интонационные средства для акцентирования эмоционально-экспрессивных оттенков отношения (в устной речи) [11, с. 303].

Расширяя рамки традиционного подхода, Л.С. Ермолаева разграничивает внутреннюю, объективную внешнюю и субъективную внешнюю модальности. Под внутренней модальностью она понимает отношение субъекта действия к совершаемому им действию. В качестве основного средства выражения данного вида модальности в современных германских языках выступают модальные глаголы. Под объективной внешней модальностью понимается отношение содержания предложения к действительности в плане реальности / нереальности, которое выражается через наклонение. Субъективная внешняя модальность представляет собой выражение степени уверенности говорящего в сообщаемых им фактах с помощью модальных слов.

В.З. Панфилов относит к объективной модальности значение возможности, действительности, так как эти значения являются отражением объективных связей в мире. Отношение высказывания к действительности данный исследователь трактует как субъективную модальность, поскольку значение реальности / ирреальности устанавливается самим говорящим. К субъективным модальным значениям он относит также значения достоверности / вероятности, неуверенности.

Рассматривая модальность в терминах структуры «модус – диктум», прежде всего необходимо отметить, что данные термины были введены французским лингвистом Ш. Балли [1].

В соответствии с традицией логического анализа Ш. Балли противопоставляет языковой коррелят суждения (диктум) и языковой коррелят модальной квалификации суждения (модус). Диктум – это понятие о предмете речи и его свойствах, т.е. номинативный аспект предложения. Под модусом Ш. Балли понимает ту часть высказывания, в которой выражается интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего (субъективная оценка) в отношении диктума. При этом данный лингвист подчеркивает, что диктум и модус высказывания взаимообусловлены и взаимодополнительны. Модусы разделяются им на эксплицитные и имплицитные. Основной формой выражения эксплицитного модуса является главное предложение в составе сложноподчиненного с придаточным дополнительным: «Я думаю (модус), что ты лжешь (диктум)» [1].

Сходным с понятием модуса является понятие модальной рамки, введенное А. Вежбицкой. По ее мнению, модальная рамка может содержать такие компоненты как цель